

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Однажды, лет двадцать назад, парижский антикварий Александр Полонский, сын ближайшего приятеля Бунина — журналиста Якова Борисовича, привез мне любопытный документ. Это была декларация о доходах, по-французски заполненная рукой самого классика. Документ венчала подпись — Jean de Bouine.

Честно говоря, меня развеселила эта частица «де», говорящая о принадлежности к французскому дворянскому роду. Таким манером заявлял Бунин о своем российском дворянстве.

Иван Алексеевич не упускал случая, чтобы напомнить о древности своего рода, о «замечательных предках» — поэтессе Анне Буниной, поэте и с 1815 года придворном — Василии Жуковском.

Что касается частицы «де», так ее Бунин ввел даже в свой французский паспорт. Простим классику эту маленькую слабость...

ЧЕРЕПА БУНИНА

Все военные годы Бунин провел на юге Франции — в захолустном парфюмерном городишке Грас. Скука была адская. Бунин скрашивал ее рассказами о прошлом, а Бахрах — секретарь классика, проведший все годы войны в доме Ивана Алексеевича, их записывал (тайком, ибо было категорически воспрещено). Бунин вспоминал:

— На одиннадцатом году жизни я покинул отчий кров и отправился в соседний Елец — учиться в гимназии. Одно время жил на квартире кладбищенского скульптора. Увидел, как трудится мой хозяин, и художественная жилка заговорила во мне. Целую зиму каждую свободную минуту млял глину, лепил из нее то лик Христа, то череп Адама. Успехи были очевидны! Хозяин одобрил мои изделия и стал пользоваться моими черепами. Они попадали на чугунные кресты, в изножья распятия, где, верно, и теперь еще пребывают, — где-то там, на старом монастырском кладбище.

...Только что со съемочной телевизионной группой мы побывали в Ельце, долго бродили меж древних могил. Увы! Плодов рук Бунина-ваятеля мы не обнаружили, их унес поток времени.

ОСТРОГОЛОВЫЙ

Директором гимназии был старичок из балтийских немцев, глечивый, с заостренным черепом — Закс. Однажды он явился на урок математики, которую Бунин с колыбели ненавидел. Будущий нобелевский лауреат рассеянно сидел за партой и размышлял о своей горькой судьбе. Вдруг его вызвали к доске, на которой красовались какие-то треугольники с никому не нужными обозначениями. Бунин ничего не понимал и молчал.

Директор с ненавистью процедил: — Тупоголовый!

Бунин гордо вскинулся: — Остроголовый!

Скандал получился невообразимый. Из деревни вызвали отца, дерзкого четвероклассника хотели с позором выгнать.

— Но я не волновался, — рассказывал Бунин. — Я знал, что отец меня не выдаст и постойт за сына. Человек он был с норовом и с большой гордостью, а тут как будто фамильная честь задета.

Бунина из гимназии не исключили, он сам из нее вскоре ушел.

На этом официальное образование было окончено — навсегда.

СРУЛЬ БУНИН

Иван Алексеевич не мог удержаться от улыбки, вспоминая:

— Род наш значится в шестой книге российских родословий как весьма древний. Но однажды я прогуливался по какой-то глухой улочке Одессы и онемел от удивления: на одном из домишек красовалась вывеска "Пекарня Сруля Бунина".

ФИЛИПП БУНИН

У Ивана Алексеевича были нелюбимые буквы. Так, он терпеть не мог "ф". Говоря об этом, его лицо делалось кислым:

— Эту самую букву мне даже трудно выводить на бумаге. В моих писаниях вы не найдете ни одного персонажа, в имени которого попадалась бы эта громоздкая буква. А знаете, меня едва не нарекли Филиппом. Священник уже стоял у купели, а старая нянька с воплями упала в ноги моей матери: "Что делают? Разве это имя для барчука? Пьяницу кучера Филиппом зовут!" Так она меня отстояла! "Филипп Бунин"! Как это звучит гнусно! С таким именем я бы и печататься не стал. "Филипповская булочная"! Фу!

ПОД КРАСНЫМ ФОНАРЕМ

Бунин безразлично морщился, когда речь заходила о продажной любви. Но однажды признался:

— А я ведь посетил публичный дом. Было это в Ельце, я учился, кажется, в четвертом классе, ставшим для меня "выпускным". Моим одноклассником был долгопяты фат с голубыми глазами, считавший долгом в каждом классе оставаться на лишней год, — некий Драковцев. На какую девицу я бы ни загляделся, он презрительно сплевывал:

— Подумаешь, я ее недавно имел!

Я ему хоть и не верил, но завидовал все-таки!

И вот однажды этот Драковцев собрал нас, гимназистов, человек шесть, появилась большая бутылка водки, которую мы пили прямо из горлышка и закусывали соевыми огурцом. Противно было! Я ведь всегда был донельзя брезглив! Но я, превозмогая себя, глотал отвратительный напиток, ибо боялся насмешек товарищей.

Когда бутылку опорожнили, Драковцев скомандовал:

— К Анисье Петровне!

И вот мы подъехали к низкому домишке с символическим красным фонарем. Зашли, стеснясь и подталкивая друг друга. Нас окружили какие-то дебелие девки. Я сел подальше в уголок и, заикаясь, спросил бутылку пива. На мои колени тут же плюхнулась грузная, потеченных лет женщина, почти меня задавила. "Машина" без перерывов играла польку. Моя "возлюбленная" томно приспела:

— Пьем пиво, милоч, потом приляжем!

Уж не помню, как я вырвался из этого гнусного заведения! Экспедиция сорвалась.

АРИФМЕТИКА

— В Ельце было. Идешь, бывало, из гимназии, мимо стоянки извозчиков. Один из них кричит:

— Барчук, а барчук! Арифметику купи, недорого продается, по случаю.

Полюбопытствовав, остановившись. А он задерет кобыле хвост:

— Вот тебе и арифметика!

Все от радости гогочут, а самому от стыда хочется сквозь землю провалиться.

БЕДА С АРИФМЕТИКОЙ

Если у Бунина были с чем неладить, так это прежде всего с арифметикой. Причем не только в гимназические годы, а всю жизнь. Он органически не терпел что-то считать, даже деньги в собственном кошельке. Забавно: пока дело касалось однозначных или двузначных цифр, Бунин почти неизменно бывал прижимистым, порой отказывая своей супруге Вере Николаевне в средствах на самое необходимое.

Но если дело доходило до более значительных чисел — трех- или не приведи Господи! четырехзначных, Бунин становился беспомощным, как ребенок. Тут он вдруг делался необдуманно щедр, раздавал крупные суммы налево и направо, знакомым и незнакомым.

Вот почему не прошло и полтора лет после получения писателем Нобелевской премии, как он с огорчением

записал в дневнике: "Я сделался почти нищим!" Так был промотан, безалаберно роздан лауреатский "миллион".

КОГДА РОДИЛСЯ БУНИН?

Блестящий критик Георгий Адамович несколько раз пытался объяснить Бунину порядок перевода дат старого стиля в новый. Он доказывал:

— Те, кто родился в восемнадцатом веке, прибавляют к дате своего рождения одиннадцать дней. Скажем, Пушкин появился на свет 26 мая 1799 года, то есть в восемнадцатом веке. Присовокупляем одиннадцать дней и получаем дату по новому стилю — шестого июня. Понятно? Вы, Иван Алексеевич, увидели свет 10 октября прошлого, девятнадцатого столетия. Сколько прибавляем? Двенадцать дней. Стало быть, день вашего рождения приходится по новому стилю на 22 октября. Так почему вы упорно называ-

ете другое число — двадцать третье?

— Так в нынешнем веке прибавляют тринадцать дней! — В нынешнем — тринадцать, да вы-то родились в прошлом веке. Значит — двенадцать! — Адамович краснел от волнения. — Мне кажется, что вы, Иван Алексеевич, просто смеетесь надо мной.

— Да нет, я понял. Чего тут не понять? ...Перечитываю дневники Бунина. Уже незадолго до смерти он пишет: "23 октября — мой день рождения..."

Но анекдот имеет продолжение. Недавно встречался со страстными поклонниками творчества Бунина, свято относящимися ко всему, что связано с великим писателем. Они безапелляционно заявляют:

— Это неправдиво, что юбилей отмечают двадцать второго! Надо двадцать третьего октября! Иван Алексеевич полнее знал, когда у него рождение.

Довод мощный, но не совсем справедливый.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Бунин, сколько помнил себя, боготворил предстательницею прекрасного пола. Его властно притягивало то неизречимо-таинственное, что называется женственностью. Уже на склоне лет, разоткровенничавшись, он рассказывал:

— Мне было тогда, вероятно, лет около пятнадцати. Я жил еще с родителями в нашем орловском-именице. Как то пожаловала к нам молоденькая свояченица. Звали ее Авдотья Карловна. Была она круглолицей, пухленькой, с веселыми голубыми глазами, почти одноплетка. Как полагаются, через несколько дней после ее приезда я уже был в нее безнадежно влюблен. И, конечно, воображал, что подобной любви никем и никогда не было изведено! Ведь это была моя первая влюбленность...

Но я был слишком робок, чтобы признаться в волновавших меня чувствах, а она коварно делала вид, что ни о чем не догадывается.

Однажды целой ватагой мы снарядили экспедицию в соседний городок. Возвращались уже поздно ночью. Я устроился рядом с Авдотьей Карловной. В пути неожиданный толчок внезапно приблизил наши лица. Не задумываясь, не осознавая, что делаю, — я крепко поцеловал ее. Ничего более прекрасного, более сладостного, нежели этот первый поцелуй, первое почти невинное прикосновение губами к женскому телу я не испытывал во всей последующей жизни.

На большее так и не хватило мужества. Каникулы приходили к концу, пришлось расставаться.

Прошло лет двадцать. По какому-то случаю я заехал в Ефремов. Был уже известен, выходили книги, продавались открытки с моим фото. Случайно обнаружил, что моя Авдотья Карловна проживает в Ефремове. Я ей тотчас дал знать о моем приезде. Она зашла ко мне в гостиницу уже под вечер. В моих глазах она уже не была "роковой женщиной", но все еще оставалась довольно аппетитной.

На круглом столе копилка керосиновая лампа. Глядя в знакомые голубые глаза, я мысленно пожалел о потраченном когда-то зря времени, сам поразился, вспоминая мою былую робость.

...Когда Авдотья Карловна вышла от меня, я растворил око. Буда сухая морозная зимняя ночь.

ОБУДЕЙ — НЕ СЛАВЯНИН

Ныне о Бунине пишут знающие, толковые специалисты. Но удивляют некоторые десятилетиями повторяющиеся ошибки. В 1927 году парижский журнал "Иллюстриро-

ванная Россия" опубликовал фото, сделанное в Грасе: рядом с Буниным стоят Рахманинов и живший в то время у Бунина Алексеевич писатель Роцин, толстенький, неряшливо одетый, с типичным славянским лицом. (См. фото).

В журнале по оплошности Роцина назвали Алдановым, уже гремевшим в то время, переведенным на многие языки. Фото это много раз перепечатывалось в советских изданиях, и практически всегда повторяли ошибку "Иллюстрированной России". Это очень странно. И Роцин, и Алданов — люди из ближайшего окружения Бунина Алексеевича. Подтянутый, красивый, всегда изысканно одетый Алданов (Ландау) мало похож на Роцина. Ошибиться, кажется, невозможно. Ан нет!

Некоторые решили перенести Грас "на берег Средиземного моря". Но Грас расположен в горах — Приморских Альпах, в 27 километрах от морской глади.

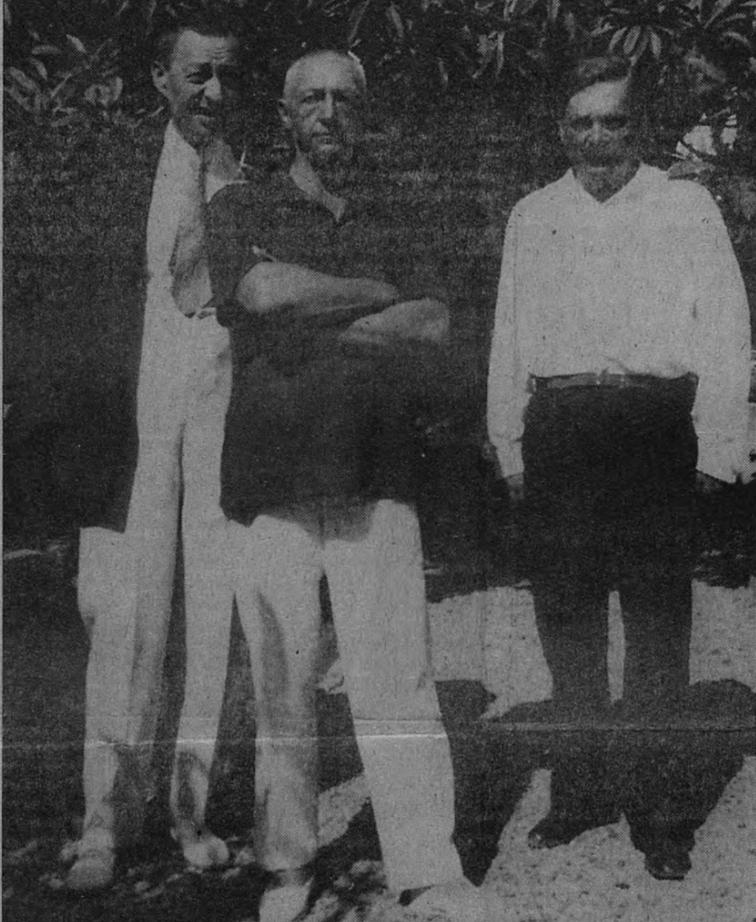
Кстати: некоторые почему-то упорно пишут Грас с двумя "с", из года в год, из книги в книгу. Но ведь достаточно открыть географический атлас, чтобы усвоить правильное написание.

Валентин ЛАВРОВ

АНЕКДОТЫ

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Мне, написавшему о Бунине более трех десятков статей и два исторических романа ("Холодная осень" и "Катастрофа"), проведшему множество вечеров, посвященных Ивану Алексеевичу, захотелось прибегнуть к жанру старинному — анекдоту. В том смысле, как толкует его В. Даль: короткий рассказ о замечательном или забавном случае.

В основе наших анекдотов — подлинные, не вызывающие у меня сомнений происшествия. Прочитав их, можно еще раз убедиться: хотя Бунин не был англом, но обладал исключительно талантливой, страстной натурой и вообще был очень милым и интересным человеком.

Произошла путаница и с датировкой произведений. Публикаторы, кажется, забыли, что в двадцатые годы Бунин пользовался старым стилем, именно им датировал написанное. Отсюда ошибки в определении места создания произведений.

Но главная беда — с похоронами. Бунин, как известно, умер в ночь с 7 на 8 ноября 1953 года. Пишущие о классике зачастую хоронят его при "многочисленном стечении народа" по православному обычаю на третий день. На самом деле похороны Бунина Алексеевича состоялись лишь на следующий год — морозным утром 30 января 1954 года. До этого гроб находился во временном склепе. И за гробом шло всего одиннадцать человек.

АФОРИЗМЫ

В августе 1926 года в сердце 55-летнего Бунина вспыхнула страсть. Начался "главный роман жизни" — с 24-летней поэткой Галиной Кузнецовой. У той был муж, который быстро прознал о шалостях супруги и грохнул кулаком по столу:

— Выбери: или я, или Бунин!

Галина ответила исторической фразой:

— Лучше одну ночь с великим Буниным, чем всю жизнь с дураком мужем!

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДСТВО

В моих руках письмо свидетельницы этой истории — талантливой Ирины Одолевой. Шестого февраля 1970 года она писала из Парижа: "Конечно, ни разрыва Галины с мужем, ни их встреч скрыть не удалось. Роман с Буниным получил широкую огласку. Вера Николаевна не скрывала своего горя и всем о нем рассказывала и жаловалась: "Ян сошел с ума на старости лет. Я не знаю, что делать".

Даже у портилки и у парикмахера она, не считаясь с тем, что ее слышат посторонние, говорила об измене Бунина и о своем отчаянии. Это положение длилось довольно долго — почти год, если я не ошибаюсь.

Но тут произошло чудо — иначе я это назвать не могу — Бунин убедил Веру Николаевну в том, что между ним и Галиной ничего, кроме отношений учителя и ученицы, нет. Вера Николаевна, как это не кажется невероятным, поверила... Поверила оттого, что хотела верить. В результате чего Галина была приглашена поселиться у Бунина и стать "членом" их семьи".

ПОРОКИ

Вера Николаевна в конце концов мудро решила: "Время лечит... Переждать следует!" И она оказалась права, хотя ждать пришлось долго — до декабря 1933 года.

Именно тогда классик отправился в Стокгольм — за Нобелевской премией и за своим вдруг свалившимся на голову после ужасающей бедности "миллионом". Галина и Вера Николаевна проследовали за ним — стать свидетелями триумфа.

На возвратной дороге Галина простудилась, заболела. На пути — Дрезден. Здесь жил знаемец Бунина — философ Степун. Галину оставили у философа: "До поправки организма!"

Но у Степуна была мужеподобная сестренка — Марга. Она совратила Галину в лесбиянство.

ХРИСТИАНСКОЕ ВСЕПРОЩЕНИЕ

Читатель, вы полагаете, что порочные девы стали

опасаться бунинского гнева? Отнюдь нет! С наступлением летнего времени они обе поселились у Бунина в Грасе. Причина? Им просто некуда было деться. Бунин принял их, но весь почернев от горя, наблюдая воркование девиц, вечно бесстыдно стремившихся к уединению. Вот лишь одна из записей в его дневнике: "Главное — тяжкое чувство обиды, подлого оскорбления".

Порой он скрежетал зубами: — Прав Сталин, он уничтожает извращенцев! Гнусное порождение сатаны!

Окончательно покинули бунинский дом девицы лишь 1 марта 1942 года. Из оккупированной Франции они направились стопы... в Дрезден.

Окончились бои. Девицы перебрались в Нью-Йорк. Поселились в гостинице "Тюдор". Галина писала Бунину: "У вас, Иван Алексеевич, тут есть друзья, а мы бедствуем. Помогите!" Бунин рекомендовал "сладкую парочку" журналисту Александру Назарову и заведующему отделом в ООН Владимиру Сосинскому. В отношении последнего, впрочем, хлопоты были напрасными: он Галину знал с двадцать четвертого года и гораздо ближе, чем Бунин мог предполагать, пока Вадим Андреев, сын известного писателя, не отбил ее. Сосинский устроил девиц библиотекарями. Скончались они друг за дружкой в середине семидесятых.

Бунин? Его долготерпению можно лишь удивляться. Вера Николаевна гениально обмолвилась: "Достоевщина!.."

"КОМСОМОЛЬЦЫ" ПРОТИВ БУНИНА

В начале января 1931 года в Париже произошел громкий скандал. На заседании литературного кружка "Кочевье" молодой литератор Сосинский покусился на авторитет самого знаменитого писателя — академика Бунина. Вот одна из газетных заметок: "Сосинский очень резко говорил об Иване Бунине и обмолвился фразой, которая шокировала большинство собравшихся:

— Максим Горький в СССР относится гораздо сочувственней к эмигрантской литературной молодежи, чем Бунин, проживающий в эмиграции". (Новое русское слово. Нью-Йорк. 14 января 1931 г.)

Все гадали: вызовет классик зарвавшегося юнца на поединок?

Бунин, видимо, счел ниже своего дворянского достоинства стреляться с сыном бывшего инженера из Луганска. Но при встречах в ответ на приветствие Сосинского протягивал неизменно лишь два пальца:

— Привет комсомолу!

А однажды на каком-то собрании всех молодых обозвал "комсомольцами". Те подняли страшный гвалт, напоминая о своих ранах, принятых в борьбе с большевизмом, и требовали извинения.

Бунин в "Последних новостях" признался, что "погорячился". Это, кажется, был единственный случай в его жизни: публичное признание "ошибки".

ГОЛЫЙ БУНИН

Свое "лучшее собрание сочинений" Бунин напечатал на свои деньги в логове Гитлера — Берлине. Последний из одиннадцати томов вышел в 1936 году.

По издательским делам той осенью писатель отправился в германскую столицу. В пограничном городке Линдау произошел крупный скандал. Немецкие чиновники для начала отобрали у Бунина паспорт, затем поволокли в какой-то насквозь продуваемый ледяным ветром сарай и сорвали с Нобелевского лауреата всю одежду. Старый писатель стоял босиком на каменном полу совершенно голый, дрожа от холода и возмущения. Затем под проливным дождем потащили его через весь город в какой-то "тюремный дом". Здесь обсык и унижения были продолжены.

Бунин разболелся и был вынужден прервать поездку. В ответ на бурю негодования, поднятую прессой, фашисты ответили со свойственной им наглостью: "Контроль носил чрезвычайно важную форму".

А собрание сочинений действительно удалось на славу! Не зря Бунин завещал печатать последующие издания по этим томам.

ПРОФАНЫ

Порой казалось, что Бунин помнит наизусть почти всего Пушкина. Едва заходила речь о поэте, Бунин приходил в волнение. Для него поэт был полубогом, вне законов, вне сравнений. Иногда начинал горячо возмущаться:

— Ведь только подумать надо, еще при жизни Александра Сергеевича находились дураки, которые устраивали ему печатные критические разносы. Особенно по завершении "Евгения Онегина". "Северная пчела" ругала седьмую главу; в ней, дескать, нет "ни одной дельной мысли", так, сплошное "балагурство". Ругали "Полтаву". Обвиняли гениального творца в "литературном аристократизме". К хору недоброжелателей присоединились те, кто еще вчера хвалил его взахлеб, — писки из "Сына отечества" и "Московского телеграфа".

И, горько выдохнув, добавлял, как нечто сокровенное: — Не будь этих профанов, он, может быть, "Онегина" закончил бы!

А сколько самому Бунину доставалось от дураков и завистников! Та же Гиппиус устроила в "Современных записках" глупейший разнос "Митиной любви".

О, ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ...

Бунин с любопытством смотрит на семейных: — Много ли вы знаете слов, обозначающих зад? (Сказал грубее.) А есть немало выразительных! — Он начинает загибать пальцы: — Сахарника, срачка, хлебника, гузка, усе... У замечательного поэта Бенедиктова есть стихотворение про наездницу, которая гордится "усестом красивым и плотным".

Немного подумав, убежденно произносит: — Нет, с русским языком никакой французский не сравнится!

ГЛУПАЯ ЦВЕТОЧНИЦА

Бунин очень точно подметил: "И в семидесять лет любит так же страстно, как в семнадцать". Эта страстность не покидала классика до самого зрелого возраста. Когда одна простоватая француженка, торговка цветочками, сроду не слышавшая о Бунине, в ответ на любезность Бунина Алексеевича пропела:

— Ах, вы, месье, такой старенький! — тот с достоинством ей возразил: — У меня — запомните это! — возраста не бывает!

Не перебарывал, когда отзывались о женщине: "Некрасивая!" Он обязательно возражал: "Чепуха! Всякая женщина имеет свою прелесть. А в Одессе говорят: "Прилазская дурнушечка, Господь увидит и пошлет красавицу!"

Бунин весь был соткан из любви!

ПРОГУЛКИ В ВЕНЕЦИЮ

И в предвоенные, и в послевоенные годы Бунина нередко можно было видеть в монпарнаских кафе, в которых сходилась литературная молодежь. Несмотря на разницу лет и на всемирную славу, писатель, не терпевший фамильярности, все же стремился быть со всеми на равной ноге.

Бахрах пишет: "На Монпарнасе он ухаживал за молодыми (и средних лет!) поэтессами, которые каждое его слово готовы были принять за чистую монету и уже мысленно скакали с ним в Венецию, в силу давней традиции безответственно упоминаемую им для того, чтобы возбудить к себе больше интереса. Благо Венеция в те годы из-за трудностей путешествий и всяких виз была за семью морями, а зато совсем поблизости была русская забаловка, и туда заполночь он любил повести очередающую Жюльетту и опрочинуть в ее компании рюмку-другую водки с горячим пирожком".

Окончание следует.